

**ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРИЗАЦИИ
КАК СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ТЕЛЕСНОСТИ В ЛИРИКЕ В. НАРБУТА**

Гущина Ксения Николаевна, соискатель, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 400066, Россия, г. Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, 27, преподаватель, Астраханский государственный медицинский университет, 414024, Россия, г. Астрахань, ул. Бакинская, 121, e-mail: k.churzina@yandex.ru.

Статья посвящена особенностям метафоризации как одного из средств воплощения категории телесности в поэтической системе В. Нарбута. Поскольку тело в лирике В. Нарбута является основной образорождающей метафорой, вариативность которой реализуется в корреляциях «тело – земля», «тело – животное», «тело – растение», «тело – еда», «тело – вещь», в также работе рассматривается метаморфизм как основной принцип миромоделирования определяет особенности языковой репрезентации телесности в лирике В. Нарбута: синтез антропоморфных, анималистических, вегетативных и гастических метафор, диффузия олицетворенных и овеществленных форм, расшатывание границы между органической и неорганической образностью.

Ключевые слова: соматосфера, метафоризация, метаморфизм, акмеизм, адамизм, соматизмы, образ тела, миромоделирование, языковая репрезентация

**FEATURES OF METAPHORIZATION AS A MEANS OF REPRESENTATION
OF CORPOREALITY IN THE POETRY OF V. NARBUT**

Guschina Ksenia N., applicant, Volgograd State Socio-Pedagogical University, 400066, Volgograd, etc. 27 V. I. Lenin, teacher, Astrakhan State Medical University, 414024, Russia, Astrakhan, 121 Bakinskaya st., e-mail: k.churzina@yandex.ru ahhh!

The article is devoted to the peculiarities of metaphorization as one of the means of embodiment of the category of corporeality in V. Narbut's poetic system. Because the body in the poetry of V. Narbut is the main obrazovaniya metaphor, a variation which is implemented in correlations, "body – earth", "the body animal", "body plant", "body food", "body – thing", as well as work, we consider metamorphism as a fundamental principle of myremoteserver defines the features of the language representation of corporeality in the poetry of V. Narbuta: synthesis of anthropomorphic, animalistic, vegetative and gastic metaphors, diffusion of personified and materialized forms, loosening the border between organic and inorganic imagery.

Keywords: somatosphere, metaphorization, metamorphism, Acmeism, adamism, somatism, body image, world modeling, language representation

Отличительной чертой поэтики акмеизма является метафоризация, которая соотносится с принципами тождества и аналогии. В творчестве акмеистов художественная образность подчинена закону поэтического тождества, основанному на логическом соответствии. В статье «Утро акмеизма» О. Мандельштам так определяет эту особенность: «А = А. Какая прекрасная поэтическая тема» [2, с. 172]. Для поэзии В. Нарбута характерно сопряжение «стихийно-хаотической первоматерии», «мира человеческой телесности» и «органической упорядоченности» [5, с. 34]. Поэтика телесности в лирике В. Нарбута определяется поиском корреляций между объектами внешнего мира и соматическими образами, что приводит к проникновению соматики в текст и прочтению тела как текста. В этой связи можно говорить о двух противоположных тенденциях: человеческое тело уподобляется растениям, животным и

неорганике, а вещи и природный универсум, напротив, антропоморфизируются, начинают существовать в телесном измерении. Телоцентрическая модель мира, сформированная в зрелой лирике В. Нарбута, реализуется в метафорах «тело-земля», «тело-растение», «тело-животное», «тело-пища», «тело-вещь».

В поэзии В. Нарбута телесная сфера выполняет мифосимволическую функцию, ее воссоздание основано на приемах интериоризации (переключение изображения внешнего мира на освоение внутреннего состояния лирического субъекта) и олицетворения внешнего бытия. Такие принципы построения телесной картины мира восходят к синкретической архаике. В. Топоров выделил две модели репрезентации тела в мифологическом тексте: экстенсивную и интенсивную [6, с. 279–280]. В первой – органам человеческого тела соответствуют онтологические образы (небесные светила и созвездия, водоемы, астрономические объекты, горные хребты, равнины и др.) и стихии (воздух, вода, огонь, земля): солнце – глаз – зрение; уши – стороны света – ориентация; кровь – реки – жизненная сила; кости – камень – крепость / здоровье и т.п. Во второй – интенсивной – модели воплощения тело «сгущается», «сворачивается» и осмысливается как самодостаточная реальность, что находит свое выражение в избыточности натуралистических деталей. Такая имманентная телесная образность представлена в стихотворениях В. Нарбута «Портрет», «Она некрасива...», «Гадалка» [3, с. 113, 160, 112: далее цитаты по предложенному изданию с указанием номера страницы] и др.

В лирике В. Нарбута сквозными являются соматические метафоры и сравнения, уподобляющие небесные светила частям тела: солнце – око («Солнце – слепнущее око – смотрит будто из дупла...» [123]), луну – голове («Луна, как голова, с которой / кровавый скальп содрал закат...» [100]), звезды – пальцам («О эти звезды! Жуткие... нагие / как растопыренные пятерни, – над городом, застывшем в летаргии...» [206]), небо – лицу («И над ним лазурной рясой / вздулось небо, как щека» [221]). Форма луны порождает ряд ассоциативных параллелей с различными телесными образами, например, месяц сопоставляется с ногтем: «Но только оранжевый ноготь / покажет луна из пруда...» [160]; убывающая луна – с глазом: «Из-за века – глаз циклопа: полнолуние на ущербе» [164]. Нередко ее очертания соотносятся с мимическими жестами: «Улыбнулся древнюю улыбкою, / Холодна улыбка полумесяца» [120]. Солнечное затмение В. Нарбут изображает посредством перифразы, основанного на контаминации вещественной и антропоморфной метафор: «Случалось так, что круглым ртом луны / (при солнце) день, как лампу закоптило...» [229]. Одухотворение природных стихий в лирике В. Нарбута осуществляется благодаря контекстуальному соположению их с бытовыми реалиями, тем самым происходит «одомашнивание» универсума: «А воды грани ты полощат / И вдовьи беседы блюдут» [303]. Принцип интериоризации реализуется в «сужении» и «очеловечивании» внешнего плана, например, посредством психологического параллелизма:

Зеленоватый, легкий и большой,
Удавленник качается на ветке
С дуплом, оглохшим ухом.
А вверху –
Такой же мутный, мертвый полумесяц. [180]

В поэме «Александра Павловна», созданная автором экспрессионистки-эсхатологическая картина, основана на системе пересекающихся антропоморфных и онтологических корреляций. Образные сцепления построены на тождестве дерева и тела («дупло» – «ухо»), мертвеца и небесного светила («удавленник» – «полумесяц»), человека и растения («я» – «созревший плод»), человека и предмета («я» – «полуштоф», «люди» – «четки»), лириче-

ского героя и мертвеца, воплощая идею всеобщего трансформизма. Танатологическая семантика образного ряда порождает чудовищный мир, вывернутый наизнанку, где «земля – могила» извергает вино, а человек полностью сливается с вещью: «Когда дышу, когда глотаю здесь / Вино, исторгнутое из могилы, / Вино, ползущее едва-едва / Через горло узенького полуштофа...» [180]. Образ месяца является ключевым в четвертой части поэмы и связан с мотивом деторождения и воскрешения: «Чуть снова месяц ззубренным серпом / распорет чрево, – встану и, хромая...» [181]. Симптоматично, что серп – орудие смерти в различных мифологиях – в поэме В. Нарбута выступает в роли ритуального, жертвенного ножа, разрезающего плаценту и дарующего жизнь. Поэтика творчества В. Нарбута схожа с эстетикой авангарда «абсолютизацией» образа человеческого тела. Телесность, плотность земного мира, выраженная в том числе через использование анатомических метафор (например, у В. Маяковского в трагедии «Себе, любимому, посвящает эти строки автор»: «...*кометы* заломят горящие *руки*...; на *цыпочки волн* бы встал...»

[7, с. 188, 189]. Ср.: В. Нарбут «После грозы» «...*ветры* защекочут *руками* хлябкими меня...» [157]), позволяют говорить о том, что в художественной системе поэта, так же, как и в творчестве авангардистов в оппозиции «дух – тело» нивелируется первая часть.

Продуктивной моделью в лирике поэта-акмеиста является олицетворение явлений природного мира, наделение их внешними (в том числе, телесными, жестовыми, поведенческими) или внутренними (эмоциональными) человеческими характеристиками: «...толпы облаков» [223], «...круглым ртом луны» [229], «Сатурн *стыдливо вышмыгнул* из ванны» [230], «Облака на богомолье / в скит лазоревый идут» [75], «...облак белокурый» [201]. Условно-риторические, порой не мотивированные формальным сходством денотатов, олицетворения создают эффект остранения: «...когда *метели* / летели в *розовом трико*...» [206]. В приведенном примере спаянность членов олицетворенной пары основана не на логическом допущении, а на внутренней рифме (метели / летели). Отсутствие непосредственной связи между персонифицированным денотатом и персонификатором может компенсироваться развертыванием образного ряда («Слепая ночь за синей прялкой / Разматывает тополя...» [247]), аллитерацией («Луна не *щербата* / *глота*ет *капитальные дни*» [255]), повтором звукокомплексов («Косогор – в *сухой сорочке*» [279]), нагнетанием экспрессии («Диск *кровавый исподлобья* смотрит» [279]). Процесс антропоморфизации порой затрагивает глубинные структуры поэтического мышления, что выражается в одушевлении частей человеческого тела («живые копошатся рубцы» [255]), наделении их чертами характера («По волосам, запальчивым, как нрав / мальчишки-ветрогона...» [251]).

В. Нарбут достаточно часто обращается к приему персонификации, олицетворяя бесплотные абстрактные понятия («И *Труд идет* дорогою кремнистой...» [225], «Но сквозь трущобы и *румяны бреда*...» [185], «Птичья клетка, как сухие *ребра* / Дедовой и внуковой *судьбы!*» [190], «о *жизни лохматой, горбатой*» [318]), образы времени («*Лысел июнь*...» [182], «*Лоснится, щурится апрель*» [224], «Продаем / Мы песни о *веке-погорельце*...» [226], «...то облака, / То *молодость* – по небу *голышом*» [251]) и пространства («Горчиной пылью *поперхнулся запад*...» [252]). И. Хейзинга связывает антропофизизм абстрактных понятий с креативными особенностями синкретического мифомышления: «Олицетворение бестелесного или безжизненного – душа всякого мифотворчества и почти всегда поэзия. <...> Вообразить воспринимаемое в виде живого существа – и означает выразить его на самом первичном уровне. Это происходит, как только возникает потребность сообщить о воспринимаемом кому-то еще. Представление рождается как воображение» [9, с. 156]. Олицетворение понятий, приписывание им свойств живых существ, про-

дуцирует семантическую аномалию, которая возникает в результате сочетания человеческих атрибутов с неодушевленными объектами (топосами): «Бесслезная и безответная! / Колдунья рек, трущоб, полей! / Как медленно, но всепобедная / точится мощь от мозолей» [210]. В приведенном фрагменте речь идет о России, традиционное для русской литературы отождествление образа «обетованной страны» с женщиной В. Нарбут дополняет акцентированием телесных деталей («мозолей», «ранами кровотока», «веки приподняты»). В финале стихотворения «Россия» поэт вводит образы-персонификации, обозначающие временные координаты, которые также наделены соответствующими гендерными признаками («Ах, с розой *девушка* – *Сегодня!*»). Тема революции и гражданской войны раскрывается посредством аллегорического описания временного триединства: «И день грядет – и молний трепетных / распластанные веера / на труп укажут за совдепами / на околевшее Вчера» [210]. Образ «обетованной страны» перекликается с авторской легендой о земном рае, а ветхозаветная Святая земля (Палестина) в тексте поэта-акмеиста трансформируется в обновленную Россию. Идеология торжествующего реального бытия обуславливает модернизацию евангельской притчи о Христе, накормившего пятью хлебами голодных («и хлеб – все те же пять хлебов»), и позволяет рассматривать материализацию абстрактного в русле поэтики акмеизма.

Прием персонификации организует образный ряд стихотворений, раскрывающих тему творчества. В «Воспоминании о Сочи-Мацесте» образ музы обретает телесный облик: «Как вспомню *торс*, *подобный скрипке*, Смолу на пальцах, канифоль... *Ревекка-муза!* Дай мне штрипки, За выслугу лет уволь» [362]. Отчетливые внешние черты прорисованы и в произведении «Совесть»: «И пришла *чернявая, безусая* / (рукоять и *губы набекрень*) / Муза с совестью (иль совесть с музою?) / успокаивать мою мигрень» [215]. В. Нарбут создает сниженный, далекий от сакрализации образ Музы, который восходит к стихотворениям Е. Баратынского «Не ослеплен я музою моею: / Красавицей ее не назовут...» («Муза» [7, с. 188]). Обилие телесных подробностей, их выпуклость роднит Музу В. Нарбута с образным аналогом в творчестве А. Ахматовой, где мифологема наполняется конкретным содержанием, находит свое телесное воплощение («взгляд ее ясен и ярк», «смуглые ноги», «стройной гостьей моей», «смуглая рука»). Облик Музы в позднем творчестве А. Ахматовой, обусловленный не столько фоновым контекстом (годы репрессий, Велика Отечественная война), сколько трагическим мироощущением поэта, создается за счет включения в образную систему прозаических деталей-характеристик («дырявый платок», «каторжное клеймо», «трещотка прокаженного»), семантическая емкость которых определяется совмещением двух антонимических планов в оппозиции «земное – небесное», метонимического и метафорического переносов («Застольная»), гиперболической и гротесковой образности в структуре предметного символа («Трещотка прокаженного»). Использование приема антропоморфизации в лирике В. Нарбута и его коллег по «Цеху» придает оформленность отвлеченным образам, отражает акмеистское «стремление вернуть образу его живую конкретность» [4, с. 152].

В творчестве В. Нарбута выделяется ряд специальных метафор, связывающих телесное и пространственное: «горб овражьего провала» [52], «застряла, сгорбилась изба колдуньи» [121], «горбунья-хата» [211], «горб пригорка» [254]. В приведенных примерах связь между денотатами весьма прозрачна и легко восстанавливаема: перенос основан на сходстве очертаний пространственного объекта и телесного изъяна. Вместе с тем в стихотворениях поэта функционирует большое количество олицетворений, предполагающих приписывание топосам человеческих чувств и качеств без «прямой связи со свойствами этих явлений» [9, с. 103]: «Одесса приподнялась с колен...» [224]. В других случаях автор использует традиционную смысловую взаимополож-

ность природного и антропоидного, основанную на сочетании неодушевленного существительного и антропоморфного глагола («Дремлет залив...» [273], «Все явственней дышит болото...» [283], «Но дремлет ветхая каплица...» [282]), неодушевленного существительного и антропоморфной атрибутивной характеристики, выраженной прилагательным или причастием («Обрюзгший флигель» [250]). Для усиления художественного эффекта В. Нарбут нередко прибегает к взаимопревращению и «скрещиванию» тропов, когда «прием, вырастая из другого, им подкреплен». Такая «обратимость тропов» [там же] выполняет функцию «остранения» и рассчитана на разрушение рецептивного автоматизма. Например, в строке «Но, грыжу выпекши, бревном амбар...» [244] наслаиваются олицетворение (присвоение локусу антропоморфных свойств), морбиальная (уподобление сместившегося бревна в амбаре болезни (грыже)) и гастическая (отождествление амбара с выдвинутым бревном и печки, выпекающей хлеб) метафор. Семантический сдвиг в специальной индикаторной модели может определяться экспрессивной звуковой игрой: «Суздаль сузил лик / – из глаз течет руда...» [231]. Интермедийная аллюзия (имеется в виду особый иконописный стиль в Суздальском уезде) и паронимическая аттракция, основанная на фонетическом подобию, становятся средствами антропоморфизации топоса, а соматическая метафора «из глаз течет руда» вводит мотив мироточения иконы, все это в целом создает образ святого города, «града небесного». Такая многослойность художественного высказывания, его смысловая «сгущенность» вызваны поэтическим характером слова, его незамкнутостью, обращенностью к другим образам стихотворного ряда.

Итак, в стихотворениях поэта первую группу составляют образы, в структуре которых означаемое представляют макрокосмические реалии (небесные светила, природные стихии и явления, абстрактные понятия и объекты, мифологемы) в качестве означаемого выступают телесные репрезентанты. В образах второй группы означаемым является человек, его соматика, а означаемым – природный мир. Так, тело в лирике В. Нарбута становится ключевой образотворяющей метафорой, вариативность которой реализуется в корреляциях «тело – земля», «тело – животное», «тело – растение», «тело – еда», «тело – вещь». Метаморфизм как основной принцип миромоделирования определяет особенности языковой репрезентации телесности в лирике В. Нарбута: синтез антропоморфных, анималистических, вегетативных и гастических метафор, диффузия олицетворенных и овеществленных форм, расшатывание границы между органической и неорганической образностью. Слово подвергается соматизации, «оплотнению»: язык тела функционирует на стыке поэтического, философского, медицинского и естественнонаучного дискурсов.

Список литературы

1. Боровская А. А. История русской литературы конца XIX – первой трети XX века : учеб.-метод. пос. / А. А. Боровская, Л. В. Спесивцева. – Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет», 2016. – 152 с.
2. Мандельштам О. Э. Слово и культура : Статьи / О. Э. Мандельштам. – М. : Советский писатель 1987. – 320 с.
3. Нарбут В. И. Стихотворения / В. И. Нарбут; вступ. ст. сост. и прим. Н. Бялосинской и Н. Панченко. – М. : Современник 1990. – 445 с.
4. Неудачи Нарбута-поэта и Нарбута-редактора // Феномен творческой неудачи / под общ. ред и с предисл. А. В. Подчиненого и Т. А. Снигиревой. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2011. – С. 24–47.
5. Полтаробатько Е. Д. Категория телесности в акмеистическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Е. Д. Полтаробатько. – М., 2009. – 189 с.

6. Топоров В. Н. Заметки по реконструкции текстов. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте / В. Н. Топоров // Исследования по структуре текста. – М., 1987. – С. 279–281.

7. Три века русской поэзии. Антология : в 2 т. / вступ. ст. В. Вербицкого. – М. : Литература Мир книги 2003. – Т. 1 : XX в. – 492 с.

8. Три века русской поэзии. Антология : в 2 т. Т. 2 : XX в. / вступ. ст. В. Вербицкого. – М. : Литература Мир книги, 2003. – 520 с.

9. Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга; пер. с нидерл. В. В. Ошиса; под общ. ред. и с послесловием Г. М. Тавризян. – М. : Прогресс-Академия, 1992. – 496 с.

References

1. Borovskaya A. A., Spesivtseva L. V. History of Russian literature of the end XIX – first third XX century. Astrakhan, 2016. 152 p.

2. Mandelstam O. E. Word and culture. Articles. Moscow, Soviet writer, 1987. 320 p.

3. Narbut V. I. Poems. Moscow, 1990. 445 p.

4. Failure Narbut-poet and Narbut-editor. Ekaterinburg, 2011. P. 24–47.

5. Poltorabtko E. D. Category of corporeality in eclecticism discourse. Moscow, 2009. 189 p.

6. Axes V. N. Notes on the reconstruction of texts. The text of the city-Virgo and the city-harlot in the mythological aspect. Moscow, 1987. P. 279–281.

7. Three centuries of Russian poetry. Anthology: in 2 vol. Vol. 1: XX century. Moscow, 2003. 492 p.

8. Three centuries of Russian poetry. Anthology: in 2 vol. Vol. 2: XX century. Moscow, 2003. 520 p.

9. Huizinga. Homo Ludens. In the shadow of tomorrow. Moscow, 1992. 496 p.

МОТИВ СТРАНСТВИЙ И ПЕРЕМЕН В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ С.Ю. КУНЯЕВА

Исакова Алла Наумовна, аспирант, Московский педагогический государственный университет, 119991, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1, e-mail: isakova.alla@mail.ru.

Данная статья посвящена поэзии С. Ю. Куняева, которая по мировосприятию, проблематике и поэтике соотносится с «тихой лирикой», одной из значительных поэтических направлений в литературе 1960–1970-х годов. С одной стороны, в работе показано сопряжение лирики С. Куняева с основными тенденциями развития поэзии шестидесятых с ее пафосом обновления и перемен, с другой стороны – исследуется, как появляются в его творчестве мотивы памяти, постижение традиционных ценностей, прощание с былыми авторитетами. Россия для С. Куняева – это олицетворение и родины, и государства. Лирический герой его лирики – это плоть от плоти народа, он горд и счастлив неотделимостью своей судьбы от судьбы Родины. В стихотворениях С. Куняева исследуется разнонаправленное движение между сентиментальным отношением к изначальным ценностям и предпочтениям и бунтарским отношением к ним, связанным с взрослением, переосмыслением отношений: «малая родина» – отчизна – государство.

Ключевые слова: мотив, память, забвение, поиск, образ Родины, национальные ценности